

Юрий Гудыменко

Неизвестный Сольферини

Два портрета из собрания Эрмитажа

Имя итальянского живописца первой половины XIX в. Джузеппе Сольферини (Giuseppe Solferini) почти ничего не говорит специалистам по истории искусства. В художественных словарях его фамилия встречается крайне редко. В *Thieme und Becker* мы узнаем только, что «живописец из Триеста» Сольферини в 1827 г. был учеником венецианской академии, а в городском музее истории и искусства в Триесте хранится его картина «Каин»; не указаны даже годы жизни*. Поэтому два живописных портрета работы Сольферини, обнаруженные в собрании Эрмитажа, чрезвычайно интересны. Изучение их позволило не только добавить несколько фактов к жизни малоизвестного итальянского художника, но и определить имя изображенного на одном из портретов.

На первом портрете изображен генерал-лейтенант С.А. Тучков (инв. № ЭРЖ-197; х., м. 67×54,5). Память потомков сохранила име-

Д. Сольферини. Портрет генерал-лейтенанта С.А. Тучкова. 1834. Государственный Эрмитаж

* См.: Thieme und Becker. Allgemeines lexicon der bildenden künster. XXXI. Leipzig, 1937. S. 241. Та же информация содержится в Bénézit: Dictionnaire des Peintres, Sculpteurs, Dessinateurs et Graveurs. Tome neuvième. Paris, 1976. P. 689.

Наклейка с текстом на обороте портрета С.А. Тучкова работы Д. Сольферины

на его братьев, участников войны 1812 г.: Александра, Николая и Павла; их портреты украшают Военную галерею Зимнего дворца. Иная судьба оказалась у Сергея Алексеевича Тучкова (около 1766-1768 – 1839), имя которого после его смерти было почти забыто, и восстановлено только в 1874 году публикацией в «Русском архиве» статьи Г.Н. Александрова**.

Отметим основные вехи жизненного пути С.А. Тучкова.

Участник войн со Швецией (1788-1790), Польшей (1792-1794), военных действий в Грузии (1801-1804), Молдавии и Турции (1808-1812), Тучков был образованнейшим человеком своего времени; был знаком с А.Н. Радищевым, А.С. Пушкиным, будущими декабристами; знал французский и немецкий языки, политическую историю, географию, артиллерию и фортификацию. В молодости занимался словесностью, перевел на русский язык несколько французских трагедий, написал несколько драматических пьес***; позже оставил автобиографические «Записки»****. Черная полоса в его жизни началась в 1812 г., когда он вместе с армией П.В. Чичагова участвовал в сражениях против австрийских, саксонских и польских войск. С конца этого года Тучков состоял под следствием, числясь по армии без должности. На основе приводимых архивных документов Александров предполагает, что связано это было с доносами польских жителей на злоупотребления

** Александров Г. Черты из жизни генерал-лейтенанта Сергея Алексеевича Тучкова // Русский архив. Год двенадцатый. Тетрадь пятая. М., 1874. Стб. 1131-1148. В приводимых ниже фактах биографии используется данная публикация, а также вступительная статья К.А. Военского к «Запискам Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808» (СПб., 1908). Авторы этих статей указывают на 1766 г. как год рождения С.А. Тучкова. В другой справочной литературе дается 1867 г., а в тексте наклейки на обороте эрмитажного портрета – 1 октября 1868 г.

*** Тучков С.А. Сочинения и переводы. СПб., 1816-1817. Ч. 1-4.

**** См. также: Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808. Под ред., вступ. статья К.Е. Военского. СПб., 1908.

войск, бывших в корпусе Тучкова*. Результатом начавшегося разбирательства стал тот факт, что Тучков «был оставлен в Минске и устранен от действия против врагов России»**. Следственное дело Тучкова было завершено только в 1826 г., но лишь через два года он был определен в армию П.Х. Витгенштейша в связи с начавшейся войной с Турцией. Тогда же он переселился в основанный им (еще в 1812 г.) город, получивший впоследствии название Тучков***. В 1828 г. был назначен градоначальником Бабадагской области, в следующем году был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1830 г. стал градоначальником Измаила. Памятуя заслуги С.А. Тучкова, император Николай I в 1834 г. наградил его орденом Белого орла (с которым он и изображен на эрмитажном портрете). Однако здоровье Тучкова было уже основательно подорвано, и в 1835 г. он был уволен с должности градоначальника и отчислен из армии. В уважении его заслуг по высочайшему повелению Тучкову было оставлено содержание в три тысячи рублей серебром в год и казенная квартира в Измаиле. Последние годы жизни Сергей Алексеевич провел в Москве.

На обороте портрета С.А. Тучкова сохранилась наклейка с текстом, из которого следует, что картина была исполнена художником «Сольферини» в Одессе «с натуры» в 1834 г. Этот текст подтверждает фрагмент подписи в левом нижнем углу (*ferini*) и сохранившиеся две последние цифры «34». Таким образом, выясняется факт работы итальянского живописца в Одессе «около 1834 года». Известно также, что Сольферини был автором портрета Е.К. Воронцовой, с которого была выполнена литография****. Благодаря О.И. Губарю удалось установить, что в 1836 г. «г-н Соль-

* Более определенно об этом говорит К.Е. Военский: «В конце этого [1812] года, находясь в Минске, Тучков внезапно устранен от должности и предан суду вследствие жалобы Адама Чарторьжского и польской партии по обвинении в разграблении якобы войсками его корпуса имений кн. Радзивилла и захвате 10 миллионов золотых» (Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808. С. VII).

** Александров Г. Указ. соч. Стб. 1143.

*** Начало строительства города относится к 1810 г. Он был построен близ восточных стен крепости Измаил и получил название Тучков в 1812 г. по указу Сената (с присоединением к нему территории крепости Измаил). В 1818 г. Тучков получает статус уездного города.

**** Княгиня Е.К. Воронцова, урожденная Браницкая (1792-1881) – жена М.С. Воронцова, с 1823 г. генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской

ферини» числился учителем рисования в Одесском институте благородных девиц****. Тот же исследователь указал на объявление, напечатанное в «Одесском вестнике» за 1837 г., в котором сообщается, что в октябре 1837 г. «австрийский подданный Иосиф Салферини с семейством» выехал в Италию*****. То, что Сольферини назван австрийским подданным, объясняется тем, что его родной город Триест в XIX столетии был столицей Австрийского Приморья – обособленной свободной территории, находящейся под властью австрийских Габсбургов. Как удалось выяснить, отъезд художника мог быть вызван распространением в Одессе чумы, продолжавшейся с октября 1837 по февраль 1838 гг.*****

В каком собрании находился портрет С.А. Тучкова до революции, выяснить не удалось. В Эрмитаж он поступил в 1941 г. в составе коллекции Историко-бытового отдела Государственного Русского музея, где находился с 1929 г.

Второй портрет работы Сольферини (также поступивший в Эрмитаж в 1941 г.) был записан в инвентарь как работа неизвестного художника. Несмотря на то, что на фотографии, запечатлевшей портрет до его реставрации, подпись читается хорошо – справа на уровне плеча: «G Solferini fecit 1832», имя художника было дописано в музейную карточку хранителем А.В. Помарнацким лишь спустя некоторое время. Личность изображенного долгое время оставалась неизвестной. Единственной возможностью определить его имя стало изучение истории бытования этого произведения.

Оказалось, что этот портрет в 1918 г. был передан в Государственный музейный фонд, который располагался в особняке, ранее принадлежавшем А.А. Бобринскому (Галерная ул., д. 58-60). В 1920 г. этот особняк со всем содержимым был передан Историко-бытовому отделу ГРМ как помещение для фондов стремительно разрастающейся коллекции Историко-бытового отде-

области; фрейлина, статс-дама, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины; адресат многих стихов А.С. Пушкина.

**** Автор выражает благодарность историку О.И. Губарю (Одесса) за предоставленные сведения и ссылку на источник информации: Новороссийский календарь на 1837. С. 115 (цензурное разрешение – 1836).

***** Одесский вестник, 1837, № 81 и 83; 9 и 16 октября.

***** См.: Из дальних лет. Воспоминания Т.П. Пасек. Том II. СПб., 1879. С. 278–282.

ла. На момент передачи в особняке Бобринских находились следующие национализированные коллекции: Бобринских, Голицыной, Долгоруковой, Зилоти, Капнист, Крейц, Мещерской, Нарышкиной, Новиковой, Орлова, Салтыкова, Шереметева, Якунчикова, Ферзен, а также «археологическая коллекция» и вещи «неизвестного происхождения».

В трехтомной рукописи особняка наш портрет указан как принадлежащий собранию Бобринского (№ 145-7), то есть он не покидал этот дворец после революции. Поиск имени следовало начинать со знакомства с родословной Бобринских. К счастью, их генеалогическое древо было не очень разветвленным. Род Бобринских вел свое начало от Алексея Григорьевича (1762-1813) – сына императрицы Екатерины II и графа Г.Г. Орлова. От брака Алексея Григорьевича и Анны Владимировны Унгерн-Штернберг родилось четверо детей: Мария*, Алексей**, Павел*** и Василий****. Однако предположение, что на портрете изображен кто-то из Бобринских, не подтвердилось. Павел умер в 1830 г., за два года до написания портрета, а имеющиеся в собрании Эрмитажа дагерротипные и графические портреты Алексея и Василия***** свидетельствовали, что на интересующем нас портрете изображен другой человек. Для дальнейших поисков и предположений необходимо было более подробно ознакомиться с собранием, в котором находился этот портрет до революции.

Для авторов рукописной описи особняка на Галерной совершенно точно было известно, что в собрание Бобринского входило

* М.А. Бобринская (1798-1835) была замужем за Н.С. Гагариным и имела детей: Леониллу (1822-1887), Николая (1823-1902) и Льва (1828-1868).

** А.А. Бобринский (1800-1868) был женат на С.А. Самойловой и имел детей: Александра (1823-1903), Владимира (1824-1896) и Льва (1831-1915).

*** П.А. Бобринский (1801-1830) был женат на Ю.С. Белинской и имел детей: Юлию (1823-1899), Ольгу (1825-1888), Алексея (1826-1894) и Павла (1829-1860).

**** В.А. Бобринский (1804-1874) был женат первым браком на Л. А. Горчаковой (1807-1826); вторым браком на С.П. Соковниной (1812-1869), от которой имел сына Алексея (1831-1888).

***** Внешность А.А. Бобринского известна по дагерротипам (инв. № ЭРФт-27796, ЭРФт-35847) и раннему фотографическому отпечатку, раскрашенному акварелью (инв. № ЭРФт-11263); В.А. Бобринский запечатлен на раннем фотографическом отпечатке, раскрашенном акварелью (инв. № ЭРФт-11265), из собрания Государственного Эрмитажа.

П. Ф. Соколов. Портрет графа Н.А.Самойлова
Начало 1820-х. Государственный Эрмитаж

как минимум двадцать пять живописных портретов, которые были помечены номером «145» и «145в». Большая часть из них в настоящее время находится в собрании Эрмитажа. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что все изображенные связаны между собой родственными связями: это, скорее, фамильные портреты, чем «коллекция портретов современников». Среди портретов Бобринских, Екатерины II и Потемкиных значительное место занимают портреты Самойловых: Николая Борисовича****, Александра Николаевича и Екатерины Сергеевны, Николая Александровича и Юлии Павловны.

После изучения «собрания Бобринских» единственным возможным претендентом в качестве изображенного на эрмитажном портрете стал Николай Александрович Самойлов – фигура не очень заметная в русской истории, но по-своему колоритная и характерная. Сын действительного тайного советника графа Александра Николаевича Самойлова, Николай Александрович родился около 1800 г.***** Получил домашнее образование. В июле 1815 г. он был переведен из 4-й конноартиллерийской роты прапорщиком в Лейб-гвардии Преображенский полк. В апреле-октябре 1817 г. участвовал в посольстве генерал-лейтенанта А.П. Ермолова в Персию и затем состоял при нем адъютантом. В августе 1821 г. пожалован во флигель-адъютанты; с июля 1827 г. – полковник в отставке. В 1825 г. Самойлов женился на графине Юлии

***** Н.Б. Самойлов был женат на М.А. Потемкиной (сестре князя Г.А. Потемкина) и был дедом С.А. Самойловой, в замужестве Бобринской.

***** См.: Федорченко В.И. Свита российских императоров. Кн. 2. М-Я. М., 2005. С. 271.

Д. Сольферини. Портрет графа Н.А. Самойлова.
1832. Государственный Эрмитаж

Павловне фон дер Пален, с которой жил в разъезде; от этого брака не было детей, и со смертью Самойлова в 1842 г. пресеклась графская ветвь дворянского рода Самойловых.

Все имущество Николая Александровича (в том числе и фамильные портреты) перешло в собственность его сестры, Софьи Александровны Самойловой, в замужестве Бобринской, бабушки последнего владельца портретов А.А. Бобринского. Это подтверждает бумажная наклейка с текстом на обороте портрета Г.А. Потемкина-Таврического (также происходящего из собрания Бобринских): «Портрет

Князя Потемкина Таврического, // перешедший по наследству Графине Софье Алекс- // сандровне Бобринской от Отца Ея Графа // Александра Николаевича Самойлова. Картина // эта находилась въ местечке Смеле, Кіевской губ. // въ старомъ господскомъ доме, (потом сгоревшемъ) // рядомъ съ костеломъ и перевезена въ Петербургъ // около 1854 года»*.

Упомянутое местечко Смела находилось в Киевской губернии Черниговского уезда и в XVIII столетии было передано Ксаверием Любомирским князю Г.А. Потемкину-Таврическому, а после смерти последнего в 1793 г. – перешло к графу А.Н. Самойлову. После смерти его сына Николая Александровича Самойлова Смела перешла во владение графов Бобринских. Вероятно, «около 1854 года» в Петербург были перевезены многие фамильные портреты Самойловых, в том числе и портрет работы Сольферини.

* Портрет князя Г.А. Потемкина-Таврического хранится в собрании Эрмитажа (инв. № ЭРЖ-1879).

Сравнительная характеристика черт внешности
изображенных на портретах Д. Сольферини и П.Ф. Соколова

Происхождение эрмитажного портрета из коллекции Самойловых-Бобринских стало не единственным доказательством для предположения, что на нем изображен Николай Александрович Самойлов. Существенным для нас является установленный выше факт работы художника Д. Сольферини в Одессе (можно предположить, что в Одессе написан и портрет 1832 г.), а также свидетельство одного из современников о пребывании в этом городе Самойлова. Так, А. де Рибас писал о нем: «Кутила граф Самойлов, гроза всех увеселительных домов Одессы, ломавший для демонстрации своей феноменальной силы рессоры старомодных одесских дрожек и щедро плативший за все эти бесчинства звонкими рублями»**. К сожалению, обратившись к периодическим изданиям, в полной мере подтвердить нахождение Самойлова в Одессе в 1832 г. не удалось. Мы можем утверждать лишь то, что в этот год его не было в Петербурге.

Дело в том, что объявления в газете «Одесский вестник» о приезде граждан и отъезде из города стали печатать лишь с 1 сентября

** Цит. по: Федорченко В.И. Свита российских императоров. С. 271.

1832 г. (!). С этого числа и до конца года Самойлова в Одессе не было. 24 декабря того же года Н.А. Самойлов въехал в Петербург, о чем сообщили «Санкт-Петербургские ведомости»*. Также стало известно, что «отставной полковник гр. Самойлов» прибыл в столицу из Киева. Оставалось только узнать, в какое время 1832 г. Самойлов прибыл в Киев и откуда. Однако «Киевские объявления» стали выходить лишь в 1835 г.; сведений о других газетах Киева автору настоящей статьи в библиографических справочниках найти не удалось.

Сохранилось два основных иконографических типа Н.А. Самойлова (из известных автору); эти портреты изображают совсем юного графа после 1821 г., – когда он был пожалован во флигель-адъютанты. Речь идет о портретах работы Б.-Ш. Митуара** и П.Ф. Соколова***. «Митуаровский» портрет написан с использованием асфальта, потемневшего со временем и поглотившего существовавшие ранее в живописи полутона. В связи с этим, а также с тем, что голова Самойлова изображена строго анфас, данный портрет трудно сравнивать с портретом работы Сольферини. Зато иконографический тип Соколова обнаруживает много сходства, которое будет более очевидным, если мы мысленно уберем очки, бороду и усы в «сольфериниевском» портрете. При всей некорректности данной «операции» (так, трактовка глаз без изображения очков была бы несколько иной), очевидно несомненное сходство в отдельных чертах внешности обоих изображенных. Прежде всего, совершенно одинаковы удлинённый овал лица и несколько тяжеловатый подбородок, прямые брови и нос, рисунок рта и глаз, вьющиеся волосы (более тщательно уложенные на позднем портрете).

Таким образом, бытование портрета в коллекции Самойловых-Бобринских, написание его художником Сольферини в 1832 г. (вероятнее всего, в Одессе), возможное пребывание в Одессе в том

* «Санкт-Петербургские ведомости», 1832, 30 декабря. С. 3092.

** Государственный Эрмитаж; инв. № ЭРЖ-155. Х., м. Время написания портрета неизвестно, между 1821-1826. Вероятно, портрет Ю.П. Самойловой был написан около 1825 г. в «пандан» к уже написанному ранее портрету Николая Александровича. Это предположение связано с тем фактом, что портреты выполнены в разных художественных манерах.

*** Государственный Эрмитаж; инв. № ЭРР-9377. Известно также повторение с этого портрета работы неизвестного художника, выполненное сепией и также хранящееся в Эрмитаже (инв. № ЭРР-504).

Б.-Ш. Митуар. Портрет графа Н.А. Самойлова
Первая половина 1820-х. Государственный Эрмитаж

же году Николая Самойлова, а также сходство «неизвестного» с портретами, изображающими молодого Самойлова (работы Митуара и Соколова) – все это свидетельствует о том, что на эрмитажном портрете изображен именно Николай Александрович Самойлов.

Характер этого незаурядного человека раскрывается нам через скупые строки воспоминаний современников, чаще всего основанных на слухах и домыслах; в этом смысле фигуру Самойлова можно в полной мере назвать мифической.

Большинство дошедших до нас отзывов рисуют графа Самойлова человеком смелым и незаурядным; не случайно за красоту и беспутство он носил в обществе прозвище «русский Алкивиад». Так, А.И. Герцен приводил следующие любопытные анекдоты из жизни Самойлова (насколько они правдивы, судить теперь сложно): «Рассказывали, что как-то на ученье великий князь (Николай Павлович. – **Авт.**) до того забылся, что хотел схватить за воротник офицера. Офицер ответил ему: «в. в., у меня шпага в руке». Николай отступил назад, промолчал, но не забыл ответа. После 14 декабря он два раза осведомился, замешан этот офицер или нет. По счастью, он не был замешан». И далее в примечании Герцен продолжает: «Офицер, если не ошибаюсь, граф Самойлов, вышел в отставку и спокойно жил в Москве. Николай узнал его в театре; ему показалось, что он как-то изысканно оригинально одет, и он высочайше изъявил желание, чтоб подобные костюмы были осмеяны на сцене. Директор и *патриот* (выделено Герценом. – **Авт.**) Загоскин поручил одному из актеров представить Самойлова в каком-нибудь водевиле. Слух об этом разнесся по городу. Когда пьеса кончилась, настоящий Самойлов вошел в ложу директора и просил позволения сказать несколь-

ко слов своему двойнику. Директор струсил, однако, боясь скандала, позвал гаера. «Вы прекрасно представили меня, – сказал ему граф, – но для полного сходства у вас недоставало одного – этого брильянта, который я всегда ношу; позвольте мне вручить его вам: вы его будете надевать, когда вам опять будет приказано меня представить». После этого Самойлов спокойно отправился на свое место»*.

В настоящее время, вероятно, невозможно утверждать, являются рассказанные Герценом истории выдумкой или былью. Но современники именно так воспринимали этого человека. Долли Фикельмон оставила в своем дневнике (11 апреля 1833 г.) следующее впечатление о Николае Александровиче Самойлове: «...на вечере у Давыдовых интересным был разве что только Самойлов – красивый, гордый, искусный в разговоре, с совершенной осанкой и манерами человека из хорошего общества, хотя ему приписывают все самые дурные пороки; действительно, ничто в нем не внушает доверия, и он мне представляется злым гением»**. Удивительно, как эти слова совпадают с внешностью человека на эрмитажном портрете.

Сборник научных статей
XVII Царскосельской конференции. СПб., 2011

Художник и натура встретились в Одессе

Здесь был бы не к месту подробный рассказ о «русском Алкивиаде пополам с Геркулесом» графе Н.А. Самойлове и его приключениях на одесском театре действий. Важно то, что Одесса занимала значительное место в его биографии. В свою очередь, граф изрядно расцвелит синхронную светскую летопись города.

Отсутствие упоминаний о Самойлове в «Одесском вестнике» за сентябрь-декабрь 1832 года вовсе не означает, что в тот период его в городе не было. Изучение сообщений о прибытии и отъезде тех или иных чиновников, военных и в целом социально значимых фигур за все

* Герцен А.И. Собр. соч. в тридцати томах. Том 8. Былое и думы. 1852-1868. Части I–III. М., 1956. С. 58.

** Долли Фикельмон. Дневник. 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. С. 268-269.

1830-е годы свидетельствует: сказанная ротация фиксировалась далеко не всегда или не в полном объеме. Скажем, можно видеть публикацию о приезде, но не видеть публикации об отъезде и наоборот. Нередко присутствие в городе того или иного лица надежно фиксируется другими первоисточниками, однако не отражено в газете.

Подобные нестыковки объясняются просто. Информация о перемещениях в пределах империи носила не столько официальный, сколько информационный характер, в отличие от официальных публикаций, связанных с прошениями о выдаче заграничных паспортов. Во втором случае публиковались сведения обо всех лицах, намеревающихся пересечь границу – будь то купцы, мещане, чиновники, аристократы, военные, священнослужители, иностранные подданные. Делалось это для того, чтобы препятствовать бегству банкротов, должников, разыскиваемых нарушителей закона. Что до рубрики «Приехали-выехали», ее скорее можно приравнять к светской хронике: читатели, подписчики живо интересовались появлением известных персон. При этом легко видеть, что такого рода сообщения нередко подвергались по мере наличия свободной газетной площади, периодически вовсе исчезая, случается, даже в разгар «сезона посещаемости». Поэтому Самойлов мог быть в Одессе как в упомянутые месяцы, так и ранее.

Сказанное наглядно подтверждается разрозненными газетными публикациями разных лет, фиксирующими его перемещение. Например, есть сообщение о прибытии графа Самойлова в Одессу в интервале меж 4-м и 7-м февраля 1836 года^{***}. Об отъезде нет ничего. Следующая публикация датируется январем 1837 года: меж 12-м и 15-м числами граф выехал из Одессы в Киев^{****}. В следующем газетном номере сообщается о его возвращении, меж 15-м и 19-м числами, но не из Киева, а из Одесского уезда^{*****}. Далее находим публикацию об отъезде графа Самойлова из Одессы меж 14 и 17 сентября того же года, без указания направления^{*****}. В следующем году имя его и вовсе выпадает из «визитной рубрики», тогда как по целому ряду других источников пребывание Самойлова в Одессе в конце 1830-х совершенно очевидно.

^{***} Одесский вестник, 1836, 8 февраля, № 12.

^{****} Одесский вестник, 1837, 16 января, № 5.

^{*****} Одесский вестник, 1837, 20 января, № 6.

^{*****} Одесский вестник. 1837, 18 сентября, № 75.

Из крайне любопытного, рельефного текста Болеслава Маркевича, который в юности лично общался с Самойловым в Одессе, можно сделать вывод о наездах графа сюда, начиная со времени его развода с женой, то есть еще с конца 1820-х. Он же, Маркевич, говорит о практически непрерывном проживании Самойлова в городе на протяжении трех-четырёх лет во второй половине 1830-х*. Видный медик, общественный деятель, мемуарист Э.С. Андреевский, служивший в Одессе с 1832 года, повествует о светских выходках графа в 1830-х годах**. О, скажем так, пролонгированном и насыщенном событиями пребывании Самойлова в Одессе пишет и авторитетный старожил, думец Иосиф Чижевич***.

Известный бытописатель А.М. де Рибас тоже неоднократно упоминает поистине легендарного графа Самойлова****. При этом один из соощенных эпизодов позволяет однозначно привязать пребывание нашего героя в Одессе еще ко второй половине 1820-х годов. Речь идет о том, что выдающийся сердцеед домогался расположения знаменитой вокалистки Риккорди до ее вступления в брак и смены фамилии на Морикони, под которой она и прославилась****. Но дело в том, что брак этот состоялся ранее 1832 года, ибо итальянская оперная солистка носила фамилию Морикони и выступала под ней на одесской сцене, по крайней мере, в мае 1831 года*****. А.А. Скальковский, приехавший в Одессу летом 1828 г., вспоминает, что Риккорди уже называли Морикони.*****

Резюмируя изложенное, можно с большой уверенностью говорить о том, что пути Самойлова и Сольферини пересеклись в Одессе в 1832 году.

Олег Губарь

* Б.М. Маркевич. Полное собрание сочинений. Т. XI. – СПб., 1885, с. 405-409.

** Из архива К.Э. Андреевского. Записки Э.С. Андреевского. – Т. I. – Одесса, 1913, с. 277.

*** Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 73, 82.

**** Александр де-Рибас. Старая Одесса. – Одесса, 1913, с. 74, 90.

***** Александр Де Рибас. Старая Одесса: забытые страницы. – Киев: «Мистецтво», 2004, с. 328.

***** Одесский вестник, 1831, 2 и 9 мая, №№ 35, 37.

***** Труды Одесского статистического комитета. Вып. IV. Одесса, 1870, с. 55.